

Такси медленно пробиравлось сквозь запруженные городские улицы, и для Гао Ту каждая секунда ожидания была пыткой.

Он сжался в углу на заднем сиденье, приоткрыл окно, позволяя прохладному вечернему воздуху коснуться пылающих щек в тщетной попытке унять нарастающий жар и головокружение.

Вернувшись в свое единственное убежище — тесную съемную квартиру, — он запер дверь на все замки и плотно задернул шторы, отрезая себя от света и шума внешнего мира.

В темноте он сполз по дверной панели на пол. Дрожащими пальцами достал из сумки телефон, и холодный свет экрана осветил его бледное лицо, на котором проступал нездоровый румянец.

Он нашел единственный номер, который знал наизусть — личный телефон доктора Линя, — и нажал на вызов.

Гудки шли долго, прежде чем на том конце ответили. Послышался уставший, но мягкий голос доктора Линя:

— Сяо Ту? Что случилось? Звонишь в такое время, что-то произошло с Гао Цин?

— Доктор Линь... — голос Гао Ту сорвался, в нем слышались нескрываемый испуг и слабость. — Нет, не сестра... это я... Мне нужен сильнодействующий ингибитор! Самый мощный, чтобы полностью подавить феромоны.

На другом конце провода на несколько секунд воцарилась тишина, а затем тон доктора стал серьезным:

— Сяо Ту, успокойся и объясни. Что случилось? Твой период течки ведь только недавно закончился. Почему тебе внезапно понадобился препарат такого уровня? Эти ингибиторы предназначены для экстремальных случаев, у них тяжелейшие побочные эффекты, их ни в коем случае нельзя использовать просто так!

Гао Ту съежился, уткнувшись лицом в колени, и в его голосе зазвучали слезы:

— Доктор Линь... я... кажется, я скоро разоблачу себя... Он... кажется, он что-то заподозрил...

Он не стал уточнять, кто именно этот он, но доктор Линь прекрасно понимал.

Как единственный человек, знавший тайну Гао Ту и помогавший ему ее скрывать, доктор хорошо понимал, какой вес имеют слова о том самом человеке и какие разрушительные последствия может повлечь за собой разоблачение.

— ... — Доктор Линь тяжело вздохнул, и в его голосе слышались тревога и тяжесть. — Сяо Ту, послушай меня. Я знаю, что ты напуган, но именно сейчас тебе нужно сохранять спокойствие. Тот ингибитор, о котором ты говоришь, под кодовым названием Тишина, работает предельно жестоко: он насильственно снижает активность всех твоих желез, включая феромонные и часть нервных окончаний.

Гао Ту затаил дыхание, вслушиваясь в каждое слово.

— Он действительно позволит тебе на время стереть все физиологические признаки омеги, уровень феромонов упадет ниже, чем у обычного беты, и тебя будет практически невозможно засечь. Но, — доктор сделал акцент на этом слове, — побочные эффекты накапливаются и они необратимы! Длительное применение приведет к постепенному онемению сенсорной системы: боль, вкус, обоняние... все будет постепенно слабеть и в конце концов исчезнет. И что еще страшнее, это ударит по эмоциональному центру. Ты постепенно станешь... эмоционально отстраненным. Тебе будет трудно испытывать сильную радость или горе, ты будто... будто окажешься за звукоизолирующим стеклом.

Сердце Гао Ту болезненно сжалось. Потерять чувства... стать безразличным ко всему? Чем тогда это будет отличаться от жизни ходячего мертвеца?

— Сяо Ту, это не шутки! — голос доктора звучал с мольбой. — Если только речь не идет о жизни и смерти, я категорически не советую тебе этого делать! Скажи мне, это... это твой партнер снова давит на тебя? Какими методами он тебя мучает?! Ты не можешь больше это терпеть!

Доктор Линь всегда ошибочно полагал, что у Гао Ту есть крайне жестокий альфа-партнер, который контролирует его, заставляя так отчаянно скрывать свою сущность омеги. Сейчас он, естественно, вновь приписал странности Гао Ту влиянию этого человека, и в его голосе сквозило возмущение.

— Нет! Доктор Линь, он не давит на меня... — машинально возразил Гао Ту слабым голосом. — Это... это мне самому нужно время... Дайте мне три месяца, всего три месяца! Умоляю, доктор Линь, помогите мне в последний раз!

В его голосе слышалось отчаянное мольба. Три месяца — ему нужно три месяца, чтобы устроить дальнейшее лечение сестры, чтобы тихо передать дела, чтобы... полностью вернуть долг Шэнь Вэньлану, а потом исчезнуть навсегда.

Доктор Линь на том конце провода тяжело вздохнул, в его голосе слышались бессилие и жалость:

— Сяо Ту, ну зачем тебе это? Стоит ли оно того ради такого человека? До какой степени ты собираешься себя довести?

Гао Ту бессильно покачал головой, и слезы беззвучно покатались по щекам, падая на холодный пол.

Стоит ли оно того — он уже не мог об этом думать. Он знал лишь одно: это единственный способ выиграть время и избежать самого позорного финала.

— Доктор Линь, подготовьте лекарство. Побочные эффекты... это неважно, — голос Гао Ту прозвучал тихо, как вздох, но в нем чувствовалась решимость человека, идущего ва-банк. — Я смогу это вынести.

— Ты... — доктор, казалось, хотел еще что-то сказать, но, услышав решимость в голосе Гао Ту, лишь глубоко вздохнул. — Хорошо. Я подготовлю все как можно скорее. Приходи забрать в старое место. Но помни, Сяо Ту: как только начнешь колоть, пути назад не будет. Если появятся серьезные признаки побочных эффектов, немедленно прекращай прием и приходи ко мне!

— Да... я знаю. Спасибо вам, доктор Линь, — всхлипнул Гао Ту и повесил трубку.

Телефон выскользнул из обессиленной руки и с глухим стуком упал на пол.

Гао Ту уткнулся лицом в сгиб локтя, его плечи затряслись от рыданий, и сдавленный плач эхом отражался от стен пустой комнаты.

Потеря чувств, оцепенение, отсутствие радости и горя... это та цена, которую он должен заплатить за то, чтобы сохранить свою жалкую тайну и выиграть три месяца?

Но по сравнению с отвращением Шэнь Вэньлана, которое он увидел бы, раскройся правда, или изгнанием, или чем-то еще более страшным, эта цена казалась... вполне приемлемой.

Только почему сердце все еще так болит? Болит так сильно, что даже грядущее онемение не сможет заглушить эту боль.

<http://bllate.org/book/19762/1946126>